

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 15 т. Письма 1834-1881. СПб. : Наука, 1996. Т. 15. С. 68-72.

Дружинин А. В. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0420oldorfo.shtml (дата обращения: 16.02.2017).

Загидуллина М. В. Неточка Незванова // Достоевский : Сочинения, письма, документы : Словарь-справочник. СПб. : Пушкинский дом, 2008. С. 129—132.

Миллер О. Ф. Публичные лекции : Тургенев, гр. Л. Н. Толстой, Гончаров, Достоевский, Писемский, Некрасов, Щедрин и др. [Электронный ресурс] // URL: http://lib.biblioclub.ru/book_119356_Publichnye_leksii/ (дата обращения: 18.03.2017).

Румянцева Э. М. Ф. М. Достоевский. Л. : Знание, 1971. 216 с.

Чернышевский Н. Г. Дневники. Полн. собр. соч. : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1939. Т. 1. 857 с.

© Калашникова Н. В., 2017

Кандакова А.Н. (Екатеринбург, УрГПУ)

Пейзаж как способ раскрытия внутреннего мира безымянного повествователя в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Аннотация: В статье предпринят анализ функций пейзажа в главе «Бэла», открывающей роман М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени». В центре внимания автора находится образ безымянного офицера, играющий важную роль в решении основной художественной задачи романа – раскрытии характера Печорина. Пейзаж, по мнению автора статьи, позволяет увидеть сходство в характерах безымянного офицера и Печорина, что помогает писателю глубже раскрыть внутренний мир главного героя романа.

Ключевые слова: М.Ю.Лермонтов, «Герой нашего времени», «Бэла», «Максим Максимыч», пейзаж.

Candackova A. N. (Yekaterinburg, USPU)

Landscape as a way of revealing the inner world of the nameless narrator in the novel by Mikhail Lermontov "A Hero of Our Time"

Abstract. The article examines the landscape features in the chapter "Bella", which opens the novel «A Hero of Our Time» by Mikhail Lermontov. The focus of the author's attention is the figure of the nameless officer, a hero, which plays an important role in solving the basic objective of the novel - revealing of the Pechorins character. The landscape is, according to the author, allowing to see some close features in the nameless officers and Pechorins inner self. As a result, the reader's confidence in the character receives a deep artistic justification.

Keywords: Mikhail Lermontov, "A Hero of Our Time", "Bella", "Maxim Maximych", landscape.

Образ безымянного офицера играет очень важную роль в романе М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени». Именно он ведет повествование в двух первых главах, внимательно выслушивает рассказ Максима Максимыча, дает развернутый портрет Печорина. Его внимательный взгляд и реакция на события, свидетелем которых он оказался, во многом помогают читателю понять характер главного героя. Большое значение при этом имеет внутренний мир самого повествователя, определяющий степень глубины понимания им сложной натуры Печорина. Пейзаж оказывается одним из ведущих приемов, позволяющих Лермонтову заглянуть в душу безымянного офицера. Как помним, данный персонаж ведет повествование в двух главах романа. Отсюда - возможность наблюдать за изменениями в его внутреннем мире от момента, когда он впервые видит природу Кавказа, к моменту его встречи с Печориным. Необходимо уточнить, что мы почти ничего не знаем о жизни безымянного офицера, нам не известны его возраст, положение в обществе, но по ряду признаков в его поведении, манере повествования мы склонны думать о нем, как о светском человеке. Мы не знаем точной цели его пребывания на Кавказе, знаем лишь, что он путешествует «по казенной надобности». Его личность раскрывается в записках, в которых представлено его восприятие событий, окружающей природы, кавказского быта.

Есть в облике странствующего офицера некоторые черты, сближающие его с Печориным. Он впервые на Кавказе, а значит его восприятие новой обстановки в чем-то схоже с восприятием Печорина, когда тот только прибыл на службу в отдаленный гарни-

зон. Ведь Максим Максимыч с первого взгляда и на того, и на другого сразу определяет, что они на Кавказе недавно, следовательно, в чем-то они похожи. Как и Печорин, странствующий офицер, скорее всего, не знаком с военным делом так, как знает его штабс-капитан. Вернее, он знаком с военным делом теоретически, по тем формам военной жизни, которые характерны для службы в столице, или в мирных городах центральной России. Попав на Кавказ, оба персонажа оказываются в условиях реальных военных действий, причем, в сложной обстановке края, где перемешаны «мирные» и «немирные» горские кланы, где необходимо ориентироваться во множестве кажущихся мелочей, незнание которых может привести к гибели в любую минуту. Герой-повествователь наделен литературным талантом, но ведь и журнал Печорина - записки человека, который мастерски умеет раскрыть свои мысли на бумаге.

Итак, безмянный офицер впервые на Кавказе, он испытывает чувство удивления и восторга и стремится передать красоту этого сурового края. Например, в первом описании природы в главе «Бэла» он с жадностью первооткрывателя стремится запечатлеть незнакомый, загадочный мир Кавказа. Панорама, которая открывается перед ним, поражает своим величием. Его завораживает открывшейся вид на Койшаурскую долину, он испытывает восторг и восхищение: «Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуею» [Лермонтов 1957: 203-204]. Как видим, первое впечатление во многом обусловлено экзотичностью новых мест, взгляд путника привык к другому пейзажу, не столь живописному. Его поражает богатство красок, непривычная насыщенность цветов. Заметно, что природу он воспринимает эстетически. Некоторая экзальтация в повествовании – признак романтической натуры. Безмянный офицер смотрит на мир глазами художника. Он способен не только восхищаться окружающей красотой, но и мастерски передать ее с помощью сло-

ва. Странствия дарят ему огромное удовольствие, он с упоением следит за изменениями картин природы, анализирует, запоминает виденное, собирает материал для будущих записок. При этом он склонен включать в свои описания образные сравнения, эмоциональные оценки увиденного: «Между тем чай был выпит; давно запряженные кони продрогли на снегу; месяц бледнел на западе и готов уж был погрузиться в черные свои тучи, висящие на дальних вершинах, как клочки разодранного занавеса; мы вышли из сакли. Вопреки предсказанию моего спутника, погода прояснилась и обещала нам тихое утро; хороводы звезд чудными узорами сплетались на далеком небосклоне и одна за другою гасли по мере того, как бледноватый отблеск востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутые отлогости гор, покрытые девственными снегами. Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, как змеи, сползали туда по морщинам соседних скал, будто чувствуя и пугаясь приближения дня.

Тихо было все на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы; только изредка набегал прохладный ветер с востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеем» [Лермонтов 1957: 223]. Как видим, автор наделяет природу эмоциями, одухотворяет ее. Пропасти кажутся ему таинственными, в звездном небе он видит чудесные звездные узоры. При этом герой часто неосознанно сравнивает новую для него картину природы с более привычной: «Кругом было тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить за его полетом. Налево чернело глубокое ущелье; за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледном небосклоне, еще сохранявшем последний отблеск зари. На темном небе начинали мелькать звезды, и странно, мне показалось, что оно гораздо выше, чем у нас на севере. По обеим сторонам дороги торчали голые, черные камни; кой-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился, и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русского колокольчика.

- Завтра будет славная погода! - сказал я» [Лермонтов 1957: 206]. Путешественник любуется красотой Кавказа, все вокруг кажется ему волшебным, он простодушно доверяется этому впечатлению, ему кажется, что в таком чудном месте и погода всегда славная, в чем ему скоро придется усомниться: «Гуд-гора курилась; по бокам ее ползали легкие струйки - облаков, а на вершине лежала черная туча, такая черная, что на темном небе она казалась пятном.

Уж мы различали почтовую станцию, кровли окружающих ее саклей, и перед нами мелькали приветные огоньки, когда пахнул сырой, холодный ветер, ущелье загудело и пошел мелкий дождь. Едва успел я накинуть бурку, как повалил снег. Я с благоговением посмотрел на штабс-капитана» [Лермонтов 1957: 206].

Итак, путник уверен, что завтра будет прекрасная погода, его вдохновляет картина, которую он видит перед собой, и он делится этим со своим попутчиком, штабс-капитаном. Ему в голову не приходит, что за столь восхитительной картиной может последовать жестокая буря. Обратим внимание и на то, что увлекшись экзотическими, яркими красками, герой не заметил действительно важной детали - легких облачков, сгущающихся вокруг вершины Гуд-горы. Так ведет себя не только человек, никогда не сталкивавшийся с коварством гор, но и человек неосторожный, импульсивный, даже немного беспечный, поддающийся эмоциям. В его душе царит восторг, он очарован пейзажем. Но при этом он не способен реально оценить окружающую действительность не только потому, что не знаком с данной местностью, но и потому, что увлекается собственным воображением, склонен эстетизировать реальность, видеть не столько действительное, сколько желаемое.

Однако автор склонен и к тому, чтобы разузнать как можно больше о новых местах, поэтому он не упускает случая блеснуть своими познаниями о том крае, который описывает: «Итак, мы спустились с Гуд-горы в Чертову долину... Вот романтическое название! Вы уже видите гнездо злого духа между неприступными утесами, - не тут-то было: название Чертовой долины происходит от слова “черта”, а не “черт”, ибо здесь когда-то была граница Грузии. Эта долина была завалена снеговыми сугробами, напавшими довольно живо Саратов, Тамбов и прочие милые ме-

ста нашего отечества - Вот и Крестовая! - сказал мне штабс-капитан, когда мы съехали в Чертову долину, указывая на холм, покрытый пеленою снега; на его вершине чернелся каменный крест, и мимо его вела едва-едва заметная дорога, по которой проезжают только тогда, когда боковая завалена снегом; наши извозчики объявили, что обвалов еще не было, и, сберегая лошадей, повезли нас кругом. При повороте встретили мы человек пять осетин; они предложили нам свои услуги и, уцепясь за колеса, с криком принялись тащить и поддерживать наши тележки. И точно, дорога опасная: направо висели над нашими головами груды снега, готовые, кажется, при первом порыве ветра обруваться в ущелье; узкая дорога частью была покрыта снегом, который в иных местах проваливался под ногами, в других превращался в лед от действия солнечных лучей и ночных морозов, так что с трудом мы сами пробирались; лошади падали; налево зияла глубокая расселина, где катился поток, то скрываясь под ледяной корою, то с пеною прыгая по черным камням. В два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору - две версты в два часа! Между тем тучи спустились, повалил град, снег; ветер, врываясь в ущелья, ревел, свистал, как Соловей-разбойник, и скоро каменный крест скрылся в тумане, которого волны, одна другой гуще и теснее, набегали с востока... Кстати, об этом кресте существует странное, но всеобщее предание, будто его поставил Император Петр I, проезжая через Кавказ; но, во-первых, Петр был только в Дагестане, и, во-вторых, на кресте написано крупными буквами, что он поставлен по приказанию г. Ермолова, а именно в 1824 году. Но предание, несмотря на надпись, так укоренилось, что, право, не знаешь, чему верить, тем более что мы не привыкли верить надписям.

Нам должно было спускаться еще верст пять по обледеневшим скалам и топкому снегу, чтоб достигнуть станции Коби. Лошади измучились, мы продрогли; метель гудела сильнее и сильнее, точно наша родимая, северная; только ее дикие напевы были печальнее, заунывнее. «И ты, изгнанница, - думал я, - плачешь о своих широких, раздольных степях! Там есть где развернуть холодные крылья, а здесь тебе душно и тесно, как орлу, который с криком бьется о решетку железной своей клетки»» [Лермонтов

1957: 225-227]. Как видим, в данном обширном описании содержится масса географических, топонимических, исторических сведений. Если раньше герой обнаруживал в своем характере черты, свойственные человеку скорее столичному, светскому, обеспеченному, то теперь он обнаруживает иные качества: он человек не праздный, неплохо образованный, не чуждый патриотических чувств. Он отважен, склонен к риску: услышав пугающее название «Чертова долина», ожидает встречи с воображаемыми опасностями (реальных опасностей он, как помним, не замечает), заранее готов к ним. Однако увидев долину, заваленную сугробами, он был крайне удивлен ее сходством с «милыми» его сердцу родными просторами. В данном фрагменте в полную силу проявляется пылкое воображение и литературный талант безымянного офицера. Он одушевляет метель, сочувствует ей и сопереживает, при этом вполне умело и уместно используя такие литературные приемы, как олицетворение, гиперболы, сравнение.

Обратившись ко второй главе романа «Героя нашего времени», «Максим Максимыч», мы сразу замечаем изменения в описании природы. Уже в самом начале безымянный офицер меняет свой стиль: пейзаж становится сжатым, скупым, без восхищенных интонаций: «Расставшись с Максимом Максимычем, я живо проскакал Терекское и Дарьяльское ущелья, завтракал в Казбеке, чай пил в Ларсе, а к ужину поспел в Владыкавказ. Избавлю вас от описания гор, от возгласов, которые ничего не выражают, от картин, которые ничего не изображают, особенно для тех, которые там не были, и от статистических замечаний, которые решительно никто читать не станет» [Лермонтов 1957: 238]. В данном фрагменте явно слышны раздраженные интонации. Что привело к таким изменениям в повествовании? Путешественник не перестал восхищаться пейзажем кавказского края. Он так же остро чувствует удивительную красоту природы Кавказа, как и в предыдущей главе романа.

Однако теперь его состояние, настроение изменилось, что проявляется и в том, что он с меньшей охотой общается с Максимом Максимычем: «Мы молчали. Об чем было нам говорить?.. Он уж рассказал мне об себе все, что было занимательного, а мне было нечего рассказывать. Я смотрел в окно. Множество низеньких домиков, разбросанных по берегу Терека, который разбегается все

шире и шире, мелькали из-за деревьев, а дальше синелись зубчатую стеной горы, из-за них выглядывал Казбек в своей белой кардинальской шапке. Я с ними мысленно прощался: мне стало их жалко...» [Лермонтов 1957: 239]. Безымянный офицер – натура быстро увлекающаяся всем новым и так же быстро охлаждающаяся, как только новое становится привычным. И в этом он тоже близок Печорину. Скорая перемена настроений, как помним, черта, опять же печоринская. Наконец, офицер обнаруживает и склонность к рефлексии. Теперь он не просто жадно вглядывается в новые картины, но уже наполняет их собственными мыслями. Так, он видит берег Терека, маленькие домики на фоне зубчатых гор кажутся ему одинокими. Кавказ прекрасен в своем могуществе, но людям, которые живут здесь, приходится преодолевать множество трудностей, они одиноки так же, как их край, они веселы только тогда, когда собираются вместе. Испытывает ли герой сострадание к горцам? А может, напротив, герой отчего-то страдает сам, и душевное состояние не позволяет ему бездумно наслаждаться картиной размеренной простой жизни горцев? Дикий, страстный Кавказ представляется рассказчику покинутым, никому не нужным, поскольку честь любоваться его необычайной красотой выпадает лишь случайному путнику. Одинок не только кавказский край, одинок и путник. Он сочувствует Кавказу, но сознает ли он, как похож на этот край сам? Ему жаль одинокие домишки, которые на фоне гор вызывают еще больше сочувствие - они остаются здесь навсегда, а он уезжает. Перед нами человек, который не может быть просто счастливым, даже в минуты спокойствия и тишины что-то гнетет его душу, поэтому и вызывает, казалось бы, мирная картина, в нем чувство тоски и печали.

И снова безымянный офицер и главный герой романа проявляют себя как личности, схожие по-своему внутреннему содержанию. Эти люди не способные долго находиться на одном и том же месте, им нужно двигаться вперед, но они сами себе не могут ответить на вопрос: куда? С какой целью?

Сходство между безымянным офицером и Печориным заметно в их отношении к Максиму Максимычу. Он им нравится, он заботится о каждом из них не только из-за чувства долга военного человека, он искренне привязался к ним, в особенности к Печорину.

Однако при этом оба уклоняются от излишней близости: автору «нечего рассказывать» о себе, но ведь и Печорин не хочет откровенной беседы о том, что он «подельывал» в Петербурге. Максим Максимы чувствует по-настоящему и не умеет скрывать своих чувств, он искренен в их выражениях. Безымянный офицер и Печорин оба склонны замыкаться в себе. Свои самые сокровенные чувства они доверяют один – своим путевым запискам, другой – своему журналу.

Наконец, в каждом из них, при всем уважении к Максиму Максимычу (а в случае Печорина – даже любви), есть оттенок собственного превосходства. Печорин поступил с Азаматом и Бэлой по-своему, гнев Максима Максимыча, узнавшего о похищении, показался ему забавным, поэтому он даже разыграл маленькую комедию с готовностью отдать свою шпагу и идти под арест. Но и безымянный офицер склонен смотреть на Максима Максимыча чуть свысока, что видно, например, из данного пейзажного фрагмента: «Казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она все поднималась и наконец пропадала в облаке, которое еще с вечера отдыхало на вершине Гуд-горы, как коршун, ожидающий добычу; снег хрустел под ногами нашими; воздух становился так редок, что было больно дышать; кровь поминутно прилиwała в голову, но со всем тем какое-то отрадное чувство распространялось по всем моим жилам, и мне было как-то весело, что я так высоко над миром: чувство детское, не спорю, но, удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми; все приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такою, какой была некогда, и, верно, будет когда-нибудь опять. Тот, кому случалось, как мне, бродить по горам пустынным, и долго-долго всматриваться в их причудливые образы, и жадно глотать животворящий воздух, разлитый в их ущельях, тот, конечно, поймет мое желание передать, рассказать, нарисовать эти волшебные картины. Вот наконец мы взобрались на Гуд-гору, остановились и оглянулись: на ней висело серое облако, и его холодное дыхание грозило близкой бурей; но на востоке все было так ясно и золотисто, что мы, то есть я и штабс-капитан, совершенно о нем забыли... Да, и штабс-капитан: *в сердцах простых* (курсив наш - А.К.) чувство красоты

и величия природы сильнее, живее во сто крат, чем в нас, восторженных рассказчиках на словах и на бумаге» [Лермонтов 1957: 223-224].

Между тем, в главе «Бэла» мы имели возможность убедиться в том, как не прост этот «простой» человек – Максим Максимыч, как много он чувствует и понимает. В конечном итоге именно он оказался прав – история с Бэлой закончилась трагически.

А теперь обратим внимание, как скупо описана природа, в момент появления в романе самого главного героя: «Так сидели мы долго. Солнце пряталось за холодные вершины, и беловатый туман начинал расходиться в долинах, когда на улице раздался звон дорожного колокольчика и крик извозчиков. Несколько повозок с грязными армянами въехало на двор гостиницы и за ними пустая дорожная коляска; ее легкий ход, удобное устройство и щегольской вид имели какой-то заграничный отпечаток. За нею шел человек с большими усами, в венгерке, довольно хорошо одетый для лакея; в его звании нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, с которой он вытряхивал золу из трубки и покрикивал на ямщика. Он был явно балованный слуга ленивого барина - нечто вроде русского Фигаро» [Лермонтов 1957: 240]. Отсутствие солнечного света, который спрятан за холодными вершинами горю, туман, скрывающий ясное небо в горах - все это словно сгущает атмосферу сдержанной холодности вокруг будущего свидания героев. Безымянному офицеру не удалось лично познакомиться с Печориным. Однако внимательно наблюдая со стороны за сценой встречи, он подметил многое, ускользнувшее от Максима Максимыча. Автор записок внимательно наблюдает за тем, с какой радостью ждет Максим Максимыч этой встречи, будто ребенок. Он повсюду возил с собой журнал молодого товарища. Быть может, он не раз представлял себе, как тепло поприветствует его Печорин. Как долго они будут вспоминать былые времена. Быть может, вместе вспомнят о Бэле, погорюют о ней. Но солнечное настроение меркнет после встречи с Печориным. Также и в зарисовке природы: холодные вершины гор не дают вздохнуть солнечному свету.

Однако автор путевых записок не спешит осудить Печорина за холодность по отношению к Максим Максимычу. Как уже говорилось, герой-рассказчик в первую очередь художник, который вни-

мательно относится к людям. Он, по-видимому, и сам невольно чувствует свою близость Печорину, во всяком случае, он понимает многое в его жестах, мимике, словах совсем не так, как Максим Максимыч. Так, он заметил, что услышав имя Бэлы, Печорин не просто отвернулся, но «принужденно» зевнул. Если Максиму Максимычу кажется, что Печорину просто скучно говорить о Бэле, то путешественник понимает, что герой старается скрыть глубокое волнение, охватившее его при упоминании имени погибшей по его вине женщины. Правда, автор не дает нам своей трактовки происходящего. Поэтому читатель может найти и другое объяснение, например, такую деталь, как «принужденный» зевок, мог заметить человек, который хорошо знаком со светской жизнью и знает способы, которыми пользуются люди для того, чтобы скрыть свои истинные чувства. Но и в таком случае понимание происходящего безымянным офицером намного глубже, чем у Максима Максимыча.

Отсюда – двойной смысл пейзажа: солнце спряталось за горами так же, как настоящие чувства спрятаны за внешней маской холодности на лице Печорина.

Наконец, есть и еще одна тонкость в восприятии Печорина безымянным офицером, которую помогает раскрыть пейзаж. Обратим внимание на описание утра, когда произошла встреча: «Утро было свежее, но прекрасное. Золотые облака громоздились на горах, как новый ряд воздушных гор; перед воротами расстилась широкая площадь; за нею базар кипел народом, потому что было воскресенье; босые мальчики-осетины, неся за плечами котомки с сотовым медом, вертелись вокруг меня; я их прогнал: мне было не до них, я начинал разделять беспокойство доброго штабс-капитана.

Не прошло десяти минут, как на конце площади показался тот, которого мы ожидали. Он шел с полковником Н..., который, доведя его до гостиницы, простился с ним и поворотил в крепость. Я тотчас же послал инвалида за Максимом Максимычем» [Лермонтов 1957: 242-243]. Почему так переменялся тон описания по сравнению с вечерним? Возможно, безымянный офицер возбужден в предвкушении встречи с Печориным? Он понимает и разделяет желания Максима Максимыча. Но если о нетерпении штабс-

капитана мы можем судить по рассказу автора записок, то желание его самого увидеть Печорина передается не прямо (он, видимо, человек самолюбивый и не хочет явно обнаружить своей заинтересованности), но через утренний пейзаж. Подтверждение нашему предположению мы находим дальше, когда повествователь откровенно проговаривается о своих переживаниях: «Я начинал разделять беспокойство доброго штабс-капитана». Данная фраза недвусмысленно указывает на то, что безымянный офицер так же, как и Максим Максимыч, волнуется перед встречей с Печориным, боится, что тот так и не появится. Но он все-таки продолжает надеяться. В его волнении есть что-то юношеское, романтическое: путешественник слушал рассказы штабс-капитана о Печорине как некую сказку, или роман, где есть и любовь, и предательство, и головокружительные приключения. Печорин представляется безымянному офицеру таинственной личностью, героем приключений. И вот совсем неожиданно представилась возможность увидеть его. Поэтому и утро кажется ему волшебным, сказочным. Но, увы, надежды не оправдались, безымянному офицеру так и не удалось лично познакомиться с Печориным, тот даже не заметил его, скользнув мимо «равнодушно спокойным взглядом».

Итак, Лермонтов использует пейзаж для того, чтобы полнее раскрыть характер повествователя в главах «Бэла» и «Максим Максимыч». Именно благодаря пейзажу, мы многое узнаем об его внутренней жизни. В определенной степени безымянный офицер оказывается личностью, очень близкой Печорину, они во многом одинаково чувствуют и одинаково воспринимают окружающий мир. Благодаря литературному таланту, путешественнику удастся очень полно передать свои внутренние состояния. Но именно поэтому в дальнейшем нам будут более ясны те движения души Печорина, о которых он не станет подробно писать в своем журнале.

Литература

Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. Т. 6. Проза, письма. М.; Л.: АН СССР, 1957. С. 202—347.

© Кандакова А.Н. 2017